

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.В. Ковалев

к.э.н., доцент, Белорусский национальный технический университет, Республика Беларусь, Минск

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: НАЗАД В БУДУЩЕЕ?¹

Аннотация. В статье рассматривается состояние современной экономической науки, трактуемое автором как кризисное. Анализируются проявления кризиса на уровне предмета науки, категориального аппарата, целей и инструментария исследований, преподавания. Делается вывод о том, что причиной кризиса стало превалирование метода исследования над предметом. Совершенствование инструментария получения и обработки данных сопровождалось отказом от реалистичности посылок и привело к выдвиганию в качестве предмета анализа не реальной экономики, а некоей теоретической реальности. Рассмотрение маржиналистской революции показывает, что выбор направления развития экономики в пользу вальрасианской модели общего равновесия был обусловлен сложностью менгерских методологических установок. Предложено авторское видение предмета экономической науки.

Ключевые слова: предмет экономики, методология, кризис экономической теории, маржиналистская революция.

Классификация JEL: B41, B13, A20.

Введение

Мировой финансовый кризис ярко выявил состояние кризиса современной экономической теории мейнстрима, которая оказалась неспособна ни предсказать, ни объяснить глобальные пертурбации мировой экономики последнего десятилетия. В такие периоды, когда научное познание упирается в ограниченность объяснительной способности базовых концепций и требуется их замена или существенное обновление, на переднюю линию выдвигается проблема методологии науки. Задача экономистов-теоретиков, методологов, историков экономической мысли – проанализировать тренды, приведшие к текущему состоянию, выявить причины и найти возможные варианты преодоления кризисных явлений. Обозначенная проблематика и является темой настоящей статьи.

Проявление кризиса–I: предмет науки, категориальный строй и структура дисциплинарной области

Задача любой науки – получение достоверных знаний о том или ином аспекте окружающего мира. В этой связи экономическая теория должна, как и иные науки, иметь четко очерченный предмет. Если обратиться к учебникам и энциклопедиям, то большин-

¹ Ранняя версия данной статьи представлена на XVII конференции из цикла «Леонтьевские чтения» и опубликована в сборнике конференции. Публикуется с согласия издателя АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр»

ство из них будут ссылаться на классическое определение Л. Роббинса, в соответствии с которым экономическая наука «изучает человеческое поведение с точки зрения соотношения между *целями* и ограниченными *средствами*, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс, 1993]. Следует обратить внимание на то, что одним из элементов системы автор указывает не ресурсы, а именно средства. Общеизвестно, что Роббинс разделял подход австрийской школы, а потому можно с большой долей уверенности утверждать, что и цели человека, и средства, которые тот ставит в соответствие данным целям, являются результатом субъективного взгляда человека на хозяйственную деятельность. Более того, в соответствии с менгеровской теорией полезности становятся благами, поскольку они могут быть поставлены в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, и поскольку человек *познал* эту причинную связь. Такая трактовка исключает атомизированного «внесоциального» Робинсона – человек в экономической науке должен рассматриваться как сформированная в конкретных институционально-исторических условиях личность [Ковалев, 2008а]. Такого ли человека и его поведение рассматривает и анализирует экономическая наука? Неудивительно, что с продвижением во времени предмет науки трансформировался в «распределение *обществом* ограниченных *ресурсов* в целях максимального удовлетворения потребностей» (см. анализ изменения трактовки предмета в [Гребнев, 2007]).

Рассмотрение программ учебных курсов позволяет увидеть наличие в них разделов «предмет [той или иной школы экономической мысли]». Например, предметом институциональной экономики авторы учебника [Аленин, Порфирьев, 2013] называют «институциональные экономические отношения, организующие взаимодействие индивидов и различных субъектов общественного производства». Однако в единой науке не может быть различного предмета у разных школ. Отличаться могут (и должны) исследовательские программы школ (методологические допущения, инструментарий исследования, найденные «движущие силы» и т.д.) – а результативность объяснения **одного и того же предмета** должна показывать перспективность того или иного из конкурирующих подходов. Даже если допустить, что термин «предмет науки» используется как метафора (а на самом деле это фокусировка той или иной исследовательской программы на различных аспектах экономической реальности), то сохраняется проблема «лоскутности» фокуса анализа школ. Они концентрируют внимание на той или иной проблематике: например, новая институциональная экономическая теория делает акцент на триаде «права собственности» – «трансакционные издержки» – «контрактные отношения»; посткейнсианство – на макроэкономических аспектах финансовой нестабильности и т.п. При этом практически ни одна из школ сегодня не предлагает комплексного ответа на законы функционирования всей экономической системы.

Отдельно следует сказать о проявлении кризиса на уровне преподавания экономики. В комплексе учебных дисциплин «экономического» блока отсутствует единый категориальный строй, а ведь корректность определений является необходимым условием ведения научных дискуссий. Возможно, одним из наиболее ярких примеров неудачного определения является термин «эффективность». Стандартный подход словарей («отношение результатов к затратам» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999]) в действительности не может сказать абсолютно ничего – попробуйте определить, является ли эффективным производство, если при затратах 90 рублей получена выручка в 100 рублей. Очевидно, что для ответа понадобится дополнительный критерий – аналогичные цифры у других фирм отрасли либо норма прибыли, удовлетворяющая собственника. Эффективность в реальной жизни является понятием относительным.

Абсолютно некорректными представляются определения инфляции. Один из словарей дает такое определение: «устойчивая тенденция повышения цен и заработной платы в денежном выражении» [Блэк, 2000]. А если ценовой индекс в целом подвер-

жен понижательной тенденции (например, на двадцатилетнем временном отрезке), но в течение двух лет внутри этого периода цены росли на 10% ежегодно, то что, инфляции не было в эти годы? Ведь устойчивая тенденция к повышению цен отсутствовала! Про категорию номинальной зарплаты можно вообще не говорить – к инфляции никакого отношения она не имеет.

В другом словаре предложено такое определение: «инфляция есть обесценение денег, проявляющееся в форме роста цен на товары и услуги, не обусловленного повышением их качества» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1999]. Вряд ли кто-то из экономистов встречал исследование с корректировкой роста цен на рост качества товаров. Кроме того, проявляться обесценение денег может в форме роста товарного дефицита при фиксированных ценах (собственно, учебники по экономике и выделяют такую ситуацию как скрытую инфляцию) – и тогда предложенное выше определение негодное.

Определение же инфляции просто как «рост общего уровня цен» представляется избыточным – зачем придумывать дополнительную категорию вместо того, чтоб использовать словосочетание «рост цен»? Вплоть до второй мировой войны экономическая наука пользовалась для обозначения явления роста цен именно таким словосочетанием, а под *инфляцией* понимался необусловленный потребностями хозяйственного оборота *рост количества денег*. Например, у Кейнса встречаем: «предложение денег для расходования ... увеличилось, т.е. имела место инфляция» [Кейнс, 1993]. Кассель процесс инфляции описывает как процесс создания новых денег: «Процесс инфляции в конечном счете сводится к произвольному выпуску новых платежных средств с законодательной силой» [Кассель, 1922]. В.В.Новожилов определяет инфляцию как «избыточный выпуск денег» [Новожилов, 1924]. Произошедшее изменение в трактовке инфляции привело к сокрытию из определения причины роста общего уровня цен и возникновению множества теорий, объясняющих подобные тенденции ростом издержек производства, зарплаты, обесценением обменного курса, etc. Некорректное определение позволило и далее формулировать понятия, основываясь не на сущностных, а исключительно на количественных характеристиках – например «умеренная (или нормальная) инфляция» уровнем 2–3% в год. В чем нормальность двухпроцентного роста цен? По времени изменение подхода от сущностного к функциональному совпало с радикальным расширением государственного вмешательства в экономику и массовым призывом экономистов на государственную службу, к чему мы вернемся ниже.

Кроме проблем с категориями, наблюдается логический разрыв между теоретическими и прикладными дисциплинами. На уровне теоретической дисциплины студенты изучают издержки как концепт экономический vs. бухгалтерского, то есть с учетом субъективных, известных одному лишь предпринимателю альтернативных издержек (*opportunity costs*), включающих в себя в том числе и «нормальную» прибыль. Как только же дело доходит до курсов бухгалтерского учета и ценообразования, издержки превращаются в некую объективную данность, когда даже этимологически субъективная *«себе-стоимость»* рассматривается как предмет правительственного нормирования. Понимание конкуренции как ситуации единой цены при отсутствии дифференциации продукта просто невозможно увязать со стратегическим менеджментом, нацеленным на поиск источников конкурентного преимущества и основанным на различии фирм и продуктов. Негативное восприятие монополии в экономической теории резко контрастирует с обоснованием инновационного менеджмента как деятельности, обеспечивающей благодаря нововведениям (защищенным патентами и проч.) ситуацию временной монополии.

Отсутствие конвенционального взгляда на предмет, несовершенство категориального аппарата, разобщенность экономических дисциплин выступают первой из форм проявления кризиса науки.

Проявление кризиса–II: превалирование метода

Второй формой проявления кризиса экономической науки является превалирование метода (т.е. инструмента исследования) над сущностью исследования; фактически метод подменил предмет науки. Используемая методология превратилась в отдельную сферу исследования самой экономики. В.М.Полтерович в статье «Кризис экономической теории» подчеркивает данное обстоятельство следующим образом: «Благодаря *математизации* экономической теории в ее рамках получен ряд общих результатов, фактически указывающих на неполноту или *неадекватность* аксиоматики основополагающих *моделей*, что влечет за собой отсутствие ответов на важнейшие вопросы» (курсив мой – А.К.) [Полтерович, 1998], то есть использование математического метода показало недостаточность метода же моделирования.

Хорошей иллюстрацией превращения метода в цель / результат исследований являются формулировки комитета по присуждению премий памяти Нобеля в области экономических наук:

- «за разработку *метода* оценки производных финансовых инструментов» (Мертон, Скоулз, 1997);
- «за разработку *метода* анализа временных рядов в экономике на основе математической модели с авторегрессионной условной гетероскедастичностью» (Ингл, 2003).

Концентрация на совершенствовании формальных методов исследования привела к двойственным результатам. С одной стороны, возникло явление экономического империализма – достигнув по сравнению с иными социальными науками большей схожести с точными науками, экономика посредством распространения методов вторглась в поле исследования истории, права, социологии. С другой стороны, формализация анализа привела к упрощенческому толкованию экономического развития. Требуемая при применении математического инструментария строгость и точность неизбежно потребовала отказа от реалистичности предпосылок формулируемых теорий, и как следствие – к радикальному снижению их объяснительной способности. Ярким примером необоснованного абстрагирования является допущение об однородности капитала, которое ведет к невозможности объяснения экономических кризисов – ведь если бы капитал был однороден, то для выхода из кризиса было бы нужно всего-то переместить его из отраслей с избытком в отрасли, где его недостаточно. Ниже мы еще вернемся к последствиям превалирования метода, здесь же попытаемся представить краткий исторический экскурс произошедшего.

Нам представляется перспективным рассмотрение истории экономической науки как «дерева решений» [Лейонхуфвуд, 2006], когда в определенные моменты происходит бифуркация – и одна из линий развития получает более значительную поддержку «участников процесса», становясь основным течением, другие же линии либо предаются забвению, либо образуют альтернативные теории (научно-исследовательские программы).

Едва ли не самым значимым разветвлением экономической науки стала маржиналистская революция, следствием которой в определенном смысле явилась вся дальнейшая история экономики. Именно к ключевым идеям маржинализма относят методологические установки, долгое время формировавшие «жесткое ядро» неоклассического синтеза – рационального максимизирующего (полезность или прибыль) субъекта и принцип равновесного анализа. Однако внимательное изучение работ основоположников маржинального анализа – Менгера, Джевонса и Вальраса – позволяет увидеть, что подходы их различны, своими теориями авторы заложили разные исследовательские программы, реализовывавшиеся позже в рамках развития разных школ мысли. Хайек выразил недоумение следующим образом: «Сами работы [Менгера, Джевонса, Вальраса] по своей

природе и основаниям настолько различны, что проблема заключается в том, каким образом столь различными путями можно было прийти к схожим результатам» [Хайек, 2009]. В научной литературе проведено различие между «триумвиратом» [Ковалев, 2008б; Jaffe, 1976; Hebert, 1998; Peart, 1998], здесь мы акцентируем внимание на трактовке цели исследования.

Джевонс стремится приблизить экономику к естественнонаучному стандарту, определяя ее как набор максимизаций индивидуального удовлетворения: «Теория экономики, будучи представлена таким образом, является тесным аналогом статической механики» [Jevons, 1965].

Вальрас ставит задачу «определения цен при *гипотетическом* (курсив мой – А.К.) режиме абсолютной свободной конкуренции» – и очевидно упрощает анализ, явив научному миру Аукциониста, помогающего заранее «нащупать» равновесие, после чего нужные количества товара по нужным ценам как по мановению волшебной палочки появляются на рынке и обеспечивают устойчивость системы: «чистая политическая экономия является наукой, совершенно похожей на физико-математические науки» [Вальрас, 2000].

Менгер считает, что теоретическая экономия имеет задачей объяснить сущность «простейших элементов [человеческого хозяйства], еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов» [Менгер, 1984], закладывая тем самым эволюционно-институциональную парадигму анализа: «проблема социальных наук – объяснить, как могут возникать институты ... служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без общей воли, направленной к их установлению; какова природа этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения» [Менгер, 1894].

Маржиналистская революция породила немалое количество загадок для историков экономической мысли. Почему при одинаковости сущностной парадигмы у трех авторов маржиналистской революции магистральным был выбран подход «общего экономического равновесия» Вальраса с Джевонсовским максимизатором полезности? Почему принятие многих теоретических концепций австрийского подхода сопровождалось отказом от идеи Менгера исследовать экономическую деятельность как сложное социальное взаимодействие в институциональной среде?

Объяснение может быть найдено на путях анализа методологии. Развитие классической школы сопровождалось возрастанием уровня абстракции. У Маркса экономические явления реального мира выступают превращенными формами сущностных категорий (цена – стоимость, прибыль – прибавочная стоимость и т.д.) Такая степень абстракции «оказалась избыточной – наука, провозглашающая все видимое и осязаемое иллюзорным и искаженным, вряд ли могла вдохновить многих экономистов-теоретиков» [Автономов, 2018]. Теоретическая система Менгера не менее абстрактна: ценность выступает в ней как «*суждение* о значимости благ»; отсюда – несравнимость ценности; невозможность установления и объяснения «единой» рыночной цены; возникающие в результате человеческих действий, но без человеческого замысла и общей воли к их созданию социальные институты, которые являются в то же время и условием осуществления человеческих действий...

Методологические подходы Вальраса и Джевонса более просты: полезность измеряется ютилями, цена товара четко определена и едина, процесс равновесия описывается привычными математическими формулами. Приплюсуйте к данной простоте стремление экономистов представить свою науку подобной наукам естественным – и логика выбора основной исследовательской программы становится понятной. При этом построение упрощенной модели потребовало принятия неправдоподобных допущений и совершенствования инструментария исследований (от маршаллианских графиков спроса и предложения до дифференциальных уравнений и выпуклых множеств).

В определенный момент развития превалирование метода стало необратимым, что повлекло за собой очередное упрощение терминологии (как это описано выше с термином «инфляция»). Совпали все описанные тенденции в момент, когда появилась профессия «государственного экономиста», то есть работающего непосредственно на правительственные структуры ученого, задачей которого стало обоснование эффективности того или иного варианта экономической политики (вопрос о возможной неэффективности всех ее вариантов и инструментов уже не ставился на повестку дня). Исследовательская программа обоснования государственного вмешательства в экономику стала дополнительным фактором кризиса теории. Странным является не желание как таковое почувствовать себя причастными к социальной инженерии (такое желание присуще представителям разных профессий), а логика обоснования экономистами правительственных действий. К примеру, вряд ли можно было бы оспаривать перераспределение доходов в случае, если в основу его обоснования был бы заложен этический критерий («перераспределение необходимо, потому что оно гуманно, поскольку позволяет неимущим поднять уровень жизни»). Однако экономическое обоснование перераспределения опирается на повышение суммарного общественного благосостояния, а для такого теоретизирования необходимо как минимум сравнение ценностей / предпочтений разных индивидов. Поскольку же такое сравнение невозможно [Раквиашвили, 2016] либо потребует введения в анализ неких «фиктивных субъектов» [Кузнецов, 2011], доказать эффективность государственного регулирования невозможно; при этом тупиковая исследовательская программа отвлекает значительное число интеллектуальных и временных ресурсов.

В этот момент Л. Роббинс и предпринял попытку изменения исследовательской программы: «Именно **формы** (институты? – А.К.), которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки» [Роббинс, 1993].

Проявление кризиса–III: разрыв с практикой (реальностью?)

Категориальный аппарат и законы экономики-науки должны охватывать и объяснять закономерности функционирования экономики-хозяйства. Возвышение метода оказалось не таким уж и безобидным явлением – оно привело к отрыву науки и от хозяйственной практики, и от реального мира.

Модель общего экономического равновесия была трансформирована усилиями в первую очередь К.Эрроу и Ж.Дебре. В их версии речь идет уже об оптимальном использовании ресурсов (т.е. исследователям якобы известны и объемы потребностей, и объемы ресурсов, и критерии оптимума). Очевидно, моделирование потребовало отказа от реалистичных предпосылок анализа.

Распространение Номо Economicus неоднократно обсуждено и осуждено на страницах научных изданий, потому позволим лишь один комментарий. Если бы некий всезнающий субъект с набором предпочтений и функцией максимизацией полезности использовался как упрощенная иллюстрация функционирования экономики, с этим можно бы было мириться – но по мере совершенствования инструментария разработчикам начало казаться, что субъект этот репрезентативен не для модели, а для реального мира – и на базе теорий стали выводиться нормативные решения для экономической политики (абсолютно аналогично антимонопольное законодательство построено на основе сравнения реального мира с гипотетической ситуацией совершенной конкуренции, которая никогда не может (!) существовать). Собственно, ради этого и происходила модификация модели – в представленной «математически исчислимой» форме она создавала впечатление «практически применимой». Теоремы благосостояния, отожде-

ствившие общее равновесие с Парето-оптимальным состоянием, превратили равновесие в концепцию этическую!

Формулировка присуждения Нобелевской премии Дебре звучит «за включение новых аналитических *методов* в экономическую *теорию* и за строгое *переформулирование* теории общего равновесия» [Дебре, 1983]. Но строгость потребовала таких допущений, что впору говорить о достижении равновесия в «некоторой абстрактной» экономике Эрроу-Дебре. И чем далее – тем более совершенные методы анализа применялись не к действительной, а к некоей теоретической реальности.

Все, кто не вписывался в «совершенные» формальные методы исследования, отодвигались на периферию экономической науки. Произошла «канонизация» [Мальцев, 2012] и «кастотизация» мейнстрима. Экономисты основного течения готовы к взаимодействию с представителями гетеродоксальных школ мысли, но не готовы менять привычные им взгляды и сформировавшие эти взгляды методы исследования. Гетеродоксы же для того, чтобы быть услышанными, должны «поступиться формой во имя своего содержания» [Баженов, Мальцев, 2018]. А как быть в ситуации, когда форма (метод) стала определять содержание исследований?

Методологическая проблема усугубляется тем, что в общественных науках экспериментальные результаты следует обобщать с большой осторожностью – такие результаты свидетельствуют только лишь о том, что в таких-то условиях в такой-то обстановке получился то-то, но повторение результата в других условиях (а они всегда другие) не гарантируется.

Отсутствие вразумительного объяснения мейнстримом экономической науки кризиса 2008 г. логично вызвало волну критицизма – и если критика со стороны гетеродоксальных школ мысли не удивительна, то развенчание состояния науки со стороны представителей самого мейнстрима оказалось небывалым как с точки зрения количества, так и с точки зрения формы высказанного недовольства. Возможно, наиболее ярко продемонстрировать такую критику можно статьей Нобелевского лауреата-2018 П. Ромера «Беда с макроэкономикой», в которой автор выявил следующую стадию отказа от реальности – вслед за реалистичностью посылок современные макроэкономические модели отказались от использования реальных данных. Автор одной из известнейших моделей эндогенного экономического роста, всегда придерживавшийся традиционного инструментария – построения модели и ее тестирования с помощью эконометрических методов на реальных данных, показывает, что совершенствование эконометрического аппарата в последние десятилетия сочеталось с отказом от данных! Модели все более и более стали включать в себя неизмеряемые переменные (воображаемые шоки) и, как следствие, все больше стали походить на басни, поскольку вообще перестали опираться на реальные данные – все экономическое развитие в рамках современных моделей объясняется воображаемыми шоками. По мнению Ромера, проблема заключается «не столько в том, что макроэкономисты говорят вещи, которые несовместимы с фактами. Настоящая проблема заключается в том, что другим экономистам все равно, что экономисты не заботятся о фактах ... а толерантность к очевидной ошибке является еще более коррозийной для науки, чем пропаганда ошибки» [Romer, 2016].

Проблема данных становится еще более отчетливой, если учесть проблему с основным макроэкономическим показателем – ВВП, который и используется как иллюстратор положительной или отрицательной динамики развития. Поставленный еще С. Кузнецом вопрос о необходимости исключения из ВВП сомнительных с точки зрения общественного богатства видов активности (например, содержание тюрем) актуализировался в результате манипуляций с системой национальных счетов в 2013 г. В состав ВВП стали включать не только этически сомнительные виды деятельности, приносящие, впрочем, вполне реальный доход (услуги проституции, продажу наркотиков в том числе в странах, где такого

рода деятельность не легализована, а значит, не может быть подвергнута достоверному статистическому учету, контрабанду), но и воображаемые виды доходов (условно начисленная жилищная рента, амортизация военных активов благодаря переводу их в статус основных фондов из госпотребления и т.п.)²! Действительно, такие данные для моделей не имеют значения – воображаемые шоки воздействуют на воображаемые переменные!

В структуре занятости по видам деятельности (а значит, и по вкладу в ВВП) среди лидеров находятся представители частной охранной деятельности. В России произошел рост численности данного сектора с 2000 по 2015 г. с 520 тыс. до 1,3 млн человек, или с 0,9 до 1,8% занятого населения [Кузнецов, 2017]. Но ведь данный сектор нужен для того, чтобы обеспечить возможность создания определенного богатства, сам он никак не создает оное! Если же дополнить список всякого рода надзорными и контролирующими органами; бизнесами, встроенными в государственные закупки благ; и прочими – то обнаружится, что даже внутри «стандартного» ВВП доля производителей, занятых неконструктивной деятельностью, зашкаливает. Без учета институциональных особенностей (данных реального мира) оказывается невозможным объяснить даже простую корреляцию ВВП и занятости.

Все более изощренная техника анализа, применяющаяся для анализа не реального мира, а некоей теоретической реальности, превратила экономические модели в упражнение для мозга...

Вместо заключения

Ф. Хайек, оценивая произошедшую в 1930-е годы «кейнсианскую революцию», отмечал: «период с 1931 ... до 1937 года отмечает зенит одного периода в истории экономической теории и начало нового. Впрочем, я не совсем уверен, что изменения в подходе ... были целиком позитивны, и что нам, вероятно, однажды придется вернуться к тому, где мы тогда остановились» [Хайек, 1999]. Представленные в статье размышления подталкивают к необходимости вернуться в более раннюю точку бифуркации экономической науки.

Представляется, что для перспективной исследовательской программы экономической теории ее предмет может быть сформулирован как «институциональное устройство экономики и его влияние на поведение Человека, действующего в процессе реализации им собственных хозяйственных интересов». В такой программе условия анализа усложнятся, но станут более реалистичными.

Идею метода сформулировала Д. Макклоски: «в настоящей науке, в исследовании мира... необходимо одновременно «теоретизировать» и «наблюдать», чтобы наблюдение не обернулось в собирание «грубых фактов», а теоретизирование не превратилось бы в бессодержательную и бесплодную схоластику» [Макклоски, 2015]. На схожих позициях стоял и Менгер: «Мы ... нигде не отстаем перед апелляцией от научных мнений к опыту, от человеческой мысли — к природе вещей» [Менгер, 1984].

Поворот к анализу реального мира должен опираться на постоянный диалог «теории» и «практики» и позволит создать широкие возможности для междисциплинарности, возвращая экономику на ведущие роли среди социальных наук.

² Автор настоящей статьи при работе в аудитории МВА (т.е. с имеющими значительный практический опыт людьми) называет первую лекцию в разделе макроэкономики «Бессмысленность макроэкономических показателей».

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2018). Влияние Маркса на экономическую науку: на предмет или на метод? // Материалы XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ.
- Аленин П.Г., Порфирьев Д.Н. (2013). Институциональная экономика: Учебное пособие. Пенза: Бибком.
- Баженов Г.А., Мальцев А.А. (2018). Современные гетеродоксальные направления экономической теории в контексте трансформации мейнстрима // Общество и экономика. № 1. С. 5–21.
- Блэк Дж. (2000). Экономика: Толковый словарь. М.: ИНФРА-М.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии. М.: Изограф.
- Гребнев Л.С. (2007). О предмете экономической науки или с чего начинать преподавание экономики? // Вопросы экономики. № 8. С. 134–145.
- Кассель Г. (1922). Теоретические проблемы мирового денежного обращения. М: ВСНХ.
- Кейнс Дж.М. (1993). Избранные произведения. М.: Экономика.
- Ковалев А.В. (2008а). «Робинзоада» как методологический прием в экономической науке // Проблемы современной экономики. № 2. С. 54–57.
- Ковалев А.В. (2008б). Допустима ли трактовка маржинализма как единой научной школы? // Проблемы современной экономики. № 3. С. 135–140.
- Кузнецов Ю.В. (2011). «Школярская» теория издержек, с точки зрения методологического субъективизма / Экономическая мысль: разнообразие концепций и сфер применения / Под ред. А. П. Заостровцева. СПб: МЦСЭИ «Леонтьевский центр».
- Кузнецов Ю.В. (2017). Антизанятость. old.inliberty.ru/blog/2488-Antizanyatost (дата обращения: 1.10.2018).
- Лейонхуфвуд А. (2006). Макроэкономическая теория в двадцатом столетии: основные вехи развития // Вопросы экономики. № 11. С. 26–45.
- Макклоски Д. (2015). Риторика экономической науки. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Мальцев А.А. (2012). О возможных истоках кризиса экономической теории // Общественные науки и современность. № 6. С. 87–99.
- Менгер К. (1992). Основания политической экономии. М.: Экономика.
- Менгер К. (1894). Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб.: Цинзерлинг.
- Новожилов В.В. (1924). Пределы инфляции / Финансы и денежное обращение в современной России. Под ред. В.М.Штейна. Пг. С. 83–121.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. (1999). Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М.
- Раквиашвили А.А. (2016). Методологический индивидуализм: к апологии современного либерализма // Вопросы политической экономии. № 1. С. 115–122.
- Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки // THESIS. Вып. 1. С. 10–23.
- Хайек Ф.А. (1999). Познание, конкуренция и свобода. СПб: Пневма.
- Хайек Ф.А. (2009). Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН.
- Jaffe, W. (1976). Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // Economic Inquiry. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 511–524.
- Jevons W.S. (1965). Theory of Political Economy. New York: Sentry Press.
- Hebert R. (1998). Jevons and Menger re-homogenized: who is real 'odd man out': A Comment of Peart // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 57 (July). Pp. 327–332.
- Peart S. (1998). Jevons and Menger re-homogenized: Jaffe after 20 years // American Journal of Economics and Sociology, Vol. 57 (July). Pp. 307–325.
- Romer P. (2016). Troubles with Macroeconomics. 26 p. Available at: paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf (accessed: 10.08.2018).

Ковалев Александр Васильевич

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Aliaksandr Kavaliou

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Department of Management, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

kavaliou.aliaksandr@gmail.com

ECONOMIC THEORY: BACK TO THE FUTURE

Abstract. The article considers the state of modern economic science, interpreted by the author as a crisis. The crisis is detected in the fields like the subject of science, categorical apparatus, purposes of researches, research tools, and teaching. It is concluded that the cause of the crisis is the superiority of the research method over the subject of science. Improving the tools for obtaining and processing data was accompanied by the rejection of realistic links and led to the nomination as an object of analysis, not of the real economy, but of some theoretical reality. Consideration of the marginalist revolution shows that the choice of the direction of the development of economics in favor of the Walrasian general equilibrium model was due to the complexity of the Mengerian methodology. The author's vision of the subject of economic science is proposed.

Keywords: *subject of economics, methodology, crisis of economics, marginalist revolution.*

JEL classification: B41, B13, A20.

REFERENCES

- Avtonomov V.S. (2018). Vliyanie Marksa na ekonomicheskuyu nauku: na predmet ili na metod? [Marx' Influence on Economic Science: on Subject or on Method?] // *Materialy XIX Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki I obshchestva*. M.: NIU VSE.
- Alenin P.G., Porfirev D.N. (2013). *Institucional'naja ekonomika: Uchebnoje posobie* [Institutional Economics: Text]. Penza: Bibkom.
- Bazhenov G.A., Maltsev A.A. (2018). Sovremennye geterodoksal'nye napravlenija jekonomicheskoy teorii v kontekste transformacii mejnstrima [Modern Heterodox Directions of Economic Theory in the Context of Transformation of Mainstream] // *Society and Economics*. № 1. Pp. 5–21.
- Black J. (2000). *Ekonomika. Tolkovyj slovar'* [Economics. Dictionary]. M.: INFRA-M.
- Walras L. (2000). *Elementy chistoj politekonomii* [Elements of Pure Economics]. M.: Izograf.
- Grebnev L.S. (2007). O predmete ekonomicheskoy nauki ili s chego nachinat' prepodavaniye ekonomiki? [On Subject of Economics, or from Which Point Should We Start to Teach Economics?] // *Voprosy ekonomiki*, № 8. Pp. 134–145.
- Cassel G. (1922). *Teoreticheskie problemy mirovogo denezhnogo obrashhenija*. [Theoretical Problems of World Currency Circulation]. M.: VSNH.
- Keynes J.M. (1993). *Izbrannyye sochineniya*. [Selected works]. M.: Ekonomika.
- Kavaliou A.W. (2008a). 'Robinsonada' kak metodologicheskij priyom v ekonomicheskoy nauke ['Robinson' as Methodological Tool in Economics]. *Problemy Sovremennoj ekonomiki*, № 2. Pp. 54–57.
- Kavaliou A.W. (2008b). Dopustima li traktovka marzhinalizma kak edinoj nauchnoj shkoly? [Is Marginalism Considered to Be a Unified School?]. // *Problemy Sovremennoj ekonomiki*. № 3. Pp. 135–140.
- Kuznetsov Yu.V. (2011). «Shkoljarskaja teorija izderzhek s tochki zrenija metodologicheskogo subektivizma [Scholar' Cost Theory from the Methodological Subjectivism Point of View] / *Ekonomicheskaja mysl': raznoobrazije koncepcij i sfer primeneniya*. Pod red. A.P. Zaostrovseva. SPb.: MSCEI «Leontieff Center».
- Kuznetsov Yu.V. (2017). Antizanyatost [Anti-employment]. old.inliberty.ru/blog/2488-Antizanyatost.
- Leijonhufvud A. (2006). Makroekonomicheskaja teorija v dvadcatom stoletii: osnovnye vehi razvitiya [Macroeconomics in XX century: key points of development] // *Voprosy ekonomiki*. № 11. Pp. 26–45.
- McCloskey, D. (2015). *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. M.: Izd-vo Instituta Gajdara.
- Maltsev A.A. (2012). O vozmozhnyh istokah krizisa ekonomicheskoy teorii [On Possible Sources of the Crisis of Economic Theory] // *Obshchestvennyje nauki I sovremennost'*. № 6. Pp. 87–99.
- Menger C. (1992). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Principle of Economics]. M.: Ekonomika.
- Menger C. (1894). *Issledovanije o metodah socialnyh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti* [Investigations into the Method of the Social Sciences With Special Reference to Economics]. Sankt-Petersburg: Zinserling.
- Novozhilov V.V. (1924). Predely infliacii [The Limits of inflation] / In V.M.Shtein (Ed.) *Finance and Currency Circulation in Contemporary Russia*. Petrograd. Pp. 83–121.
- Polterovich V.M. (1998). Krizis ekonomicheskoy teorii // *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*. № 1. Pp. 46–66.
- Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubtseva E.B. (1999). *Sovremennij ekonomicheskij slovar'* [Modern Economic Dictionary]. M.: INFRA-M.

- Rakviashvili A.A.* (2016). Metodologičeskij individualism: k apoligii sovremennogo liberalizma [Methodological Individualism: Towards Apology of Modern Liberalism] // *Voprosy političeskoj ekonomii*. № 1. Pp. 115–122.
- Robbins L.* (1993). Predmet ekonomičeskoj nauki [The Subject of Economics]. // *THESIS*. Vol. 1. Pp. 10–23.
- Hayek F.A.* (1999). Poznanie, konkurencija i svoboda [Cognition, Competition, and Liberty]. SPb: Pnevma.
- Hayek F.A.* (2009). Sud'by liberalizma v XX veke [The Fates of Liberalism in XX century]. M.: IRISEN.
- Jaffé, W.* (1976). Menger, Jevons and Walras De-Homogenized // *Economic Inquiry*. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 511–524.
- Jevons W.S.* (1965). *Theory of Political Economy*. New York: Sentry Press.
- Hebert, R.* (1998). Jevons and Menger re-homogenized: who is real 'odd man out': A Comment of Peart // *American Journal of Economics and Sociology*, Vol. 57 (July). Pp. 327–332.
- Peart S.* (1998). Jevons and Menger re-homogenized: Jaffe after 20 years // *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 57 (July). Pp. 307–325.
- Romer P.* (2016). *Troubles with Macroeconomics*. 26 p. Available at: paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf (accessed: 10.08.2018).